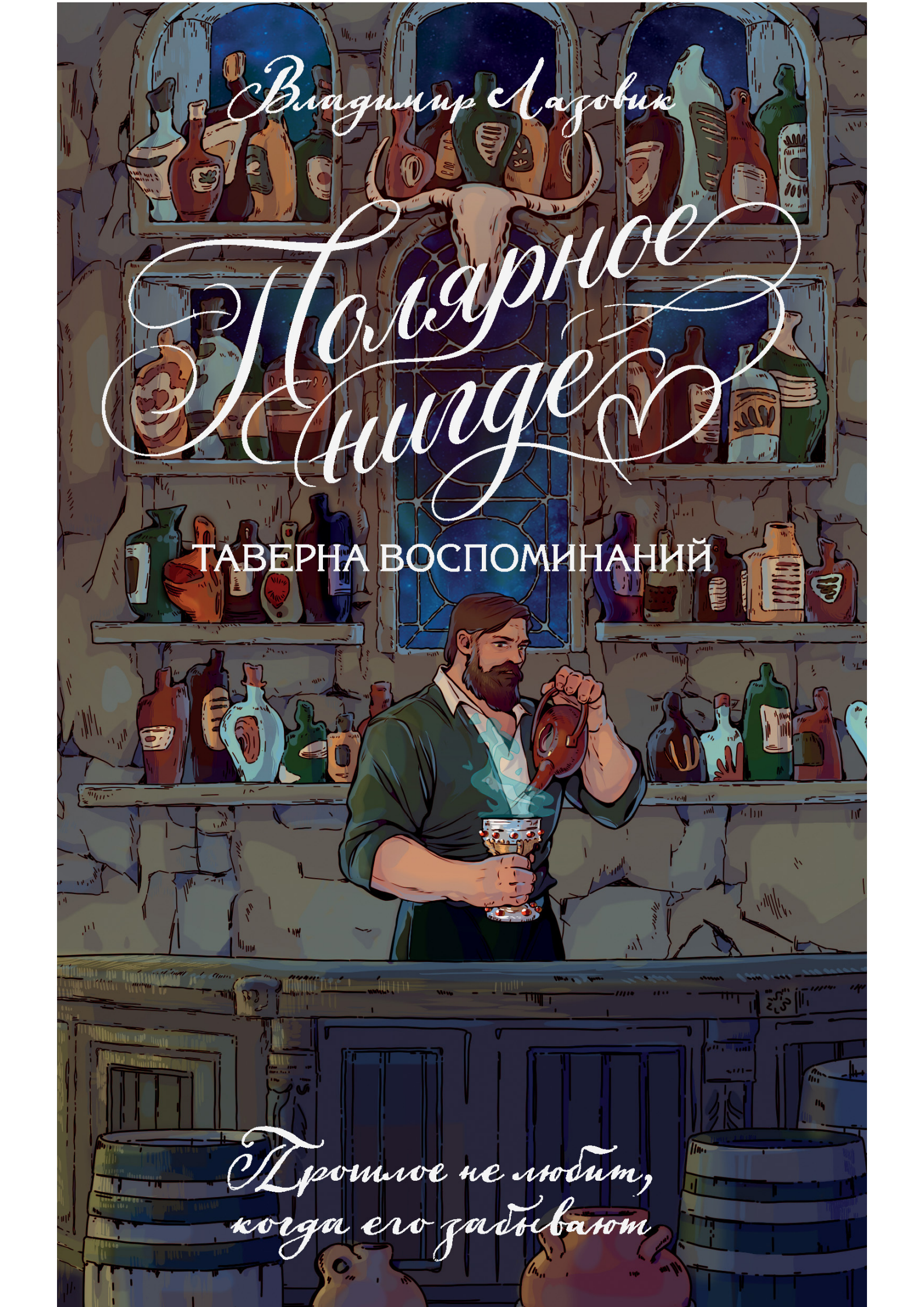

Владимир Назовик

Татарское нигде

ТАВЕРНА ВОСПОМИНАНИЙ

Прошлое не любит,
когда его забывают

Румперия. Дыхание магии

Владимир Лазовик

**Полярное нигде.
Таверна воспоминаний**

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазовик В. Е.

Полярное нигде. Таверна воспоминаний / В. Е. Лазовик —
«Эксмо», 2025 — (Румперия. Дыхание магии)

ISBN 978-5-04-247382-1

На самом краю мира стоит таверна «Полярное Нигде» – последнее пристанище для отчаявшихся душ на пути в аномальное Безграничье. Платой за горячий ужин здесь служит не монета, а воспоминание: светлая грусть, справедливый гнев или тихое умиротворение. Однажды на пороге «Полярного Нигде» появляется Нова – девушка без воспоминаний, которой нечем платить. Нарушая все заветы, хозяин таверны Сайлас решается на рискованный и сомнительный эксперимент. Он создаст душу для Новы, по капле вливая в нее эмоции чужих жизней. Сайлас угощает девушку без прошлого восторгом первого снега и терпением старого пекаря, надеясь построить из светлых фрагментов цельную и гармоничную личность. Но с каждым новым «вкусом» в Нове пробуждается не только способность чувствовать, но и отголоски ее собственной, пугающей тайны. Почему Нова все забыла? Какая могущественная и непредсказуемая сила скрыта в ней на самом деле? И что произойдет, когда ее душа столкнется с ужасом своего настоящего прошлого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247382-1

© Лазовик В. Е., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1. Соль на снегу	9
Глава 2. Новая Нова	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Лазовик Полярное нигде

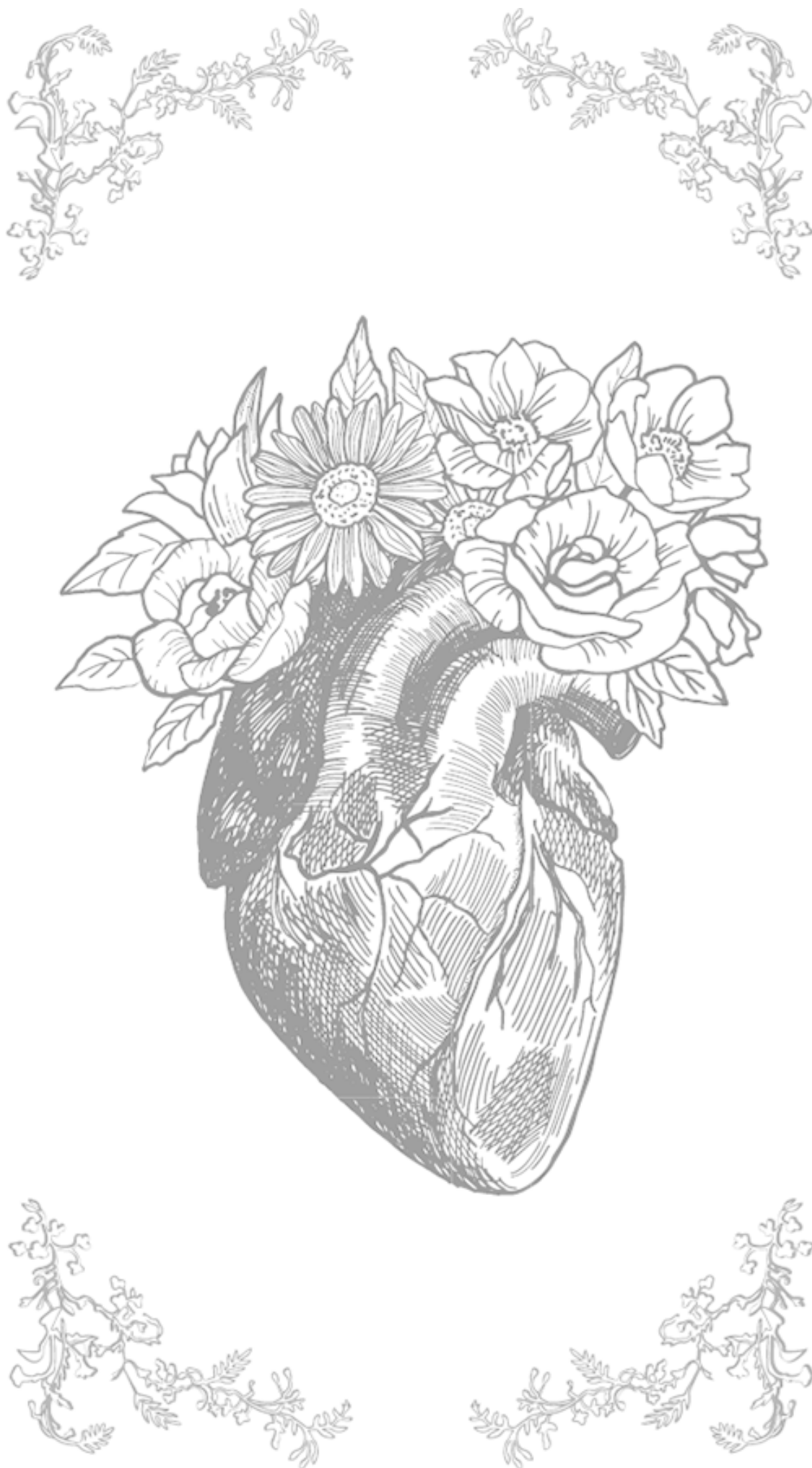

Иллюстрация на обложке *Rico Hakari*

Иллюстрация на форзацах *Cropolat*

© Владимир Лазовик, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1. Соль на снегу

В мире остался лишь белый. Не тот ослепительный, праздничный белый, что обещает чистоту и начало, а тусклый, как застывший животный жир. Бескрайний пласт снега, без единой складки, без тени, без намека на горизонт, уходил в такое же белесое, брюхатое небо, и казалось, если сделать еще шаг, можно сорваться не вниз, а вверх, в эту молочную пустоту. Пространство утратило свои законы, превратившись в саван.

Под этим саваном двигалась фигура.

Метель не завывала – для этого в ней было слишком много твердых, колких частиц. Она шипела. Монотонно, неотступно, как гигантский змей, ползущий по стеклу. Снег забивал складки одежды, превращая их в жесткие ледяные валики, налипал на лицо, создавая хрупкую белую маску. Ветер, плотный и тяжелый, давил, заставлял наклоняться, почти ложиться на его упругое плечо, чтобы сделать следующий шаг. Каждый вдох был труден – ледяной воздух обжигал нос, будто раскаленной проволокой, легкие болезненно сжимались.

Одиночка, бредущий сквозь это ослепшее ничто, был закутан до полной неузнаваемости. Несколько слоев грубой, потемневшей от времени ткани скрывали контуры тела, не оставляя и намека на пол или возраст. Лицо было замотано шарфом, превратившим дыхание в видимое, хрустящее облачко, тут же оседающее инеем на ткани. Над шарфом виднелись лишь очки-консервы, защищавшие глаза от жалящих снежных игл. Фигура двигалась медленно, ритмично, с упорством заведенного механизма. Нога в громоздком ботинке проминала наст с глухим хрустом, замирала, и затем вторая начинала то же самое движение. Но каждый шаг был ничтожным. Не путник – темный столбик, почти растворяющийся в белой круговерти, единственный вертикальный объект в этом горизонтальном мире.

Но вот, в редкий миг, когда пелена метели истончилась, появился он. Огонек.

Он не был ярким. Скорее, это была крошечная искра теплого, медового цвета, прожегшая серо-белую ткань мира. Такая далекая, что могла быть обманом зрения, игрой замерзающего разума. Но она горела упрямо, словно кто-то заботливо прикрыл ее от ветра ладонью. Огонек

был сродни обещанию: где-то там, впереди, есть не только снежная буря. Есть очаг, есть крыша, есть конец пути.

Фигура на мгновение замерла, всего на один удар сердца. Ничего не изменилось в ее позе, но само это замирание посреди непрерывного движения было событием. Затем плечи, обремененные пластами одежды и намерзшим снегом, едва заметно подались вперед. Путь обрел направление. Одиночка пробирался сквозь ледяной ад к этому крошечному янтарному пятну, единственной теплой ноте в оглушительной симфонии зимы.

Дверь поддалась не сразу. Она протестовала, скрипя замерзшими петлями, словно старик, которого потревожили посреди глубокого сна. Путник налег на нее всем весом и наконец ввалился в дом.

И мир перевернулся.

Снаружи остался рев метели, пронзительный холод и слепящая белизна. Внутри встретила густая, теплая тишина. Ветер был отсечен так резко, словно кто-то опустил невидимый клинок. Одиночка медленно стянул шарф к подбородку. Здесь пахло горящими дровами. Воздух здесь был другим – плотным, тяжелым, пропитанным до последней молекулы запахами, которые, казалось, можно было потрогать. Он пах горячим деревом, раскаленным камнем очага, свежесваренным травяным сбором с нотками чабреца и мяты. Под этой очевидной палитрой скрывался более глубокий, слоистый аромат: сладковатая пыль старых книг, тонкий дух расплавленного воска и что-то совершенно неопределимое – запах, похожий на озон после летней грозы, смешанный с корицей и сушеными яблоками.

Свет был жидким, медовым. Он стекал с абажуров нескольких низко висящих ламп, сделанных из толстого, желтоватого стекла. Поблескивали на поверхностях пары непохожих друг на друга деревянных столов. Один был круглым, испещренным ножевыми порезами. Другой – длинным и узким, из темного, почти черного дерева, отполированного тысячами локтей. Мерцали латунные заклепки на спинках стульев и ряды разномастных кружек, стоявших вверх дном на полках за длинной барной стойкой.

Эта стойка была сердцем заведения. Массивная, из продольного спиля мореного дуба, она тянулась почти через все помещение. За ней, на стеллаже, царил организованный хаос. Пузатые глиняные банки с рукописными этикетками: «Соль слез», «Сахар смеха», «Перец гнева». Стекланные бутылки с жидкостями всех оттенков – от прозрачно-золотистого до черного, как нефть. Рядом с ними лежали странные инструменты: маленькие серебряные ступки, медные щипчики и весы, похожие на аптекарские.

Стены, увешанные памятными мелочами, казались живыми. Выцветшие черно-белые фотографии: бородатые мужчины в унтах щурятся на фоне ледяных торосов; женщина с усталой улыбкой обнимает огромную собаку, похожую на волка; маленький самолет с лыжами вместо шасси, замерший на фоне бескрайнего снега. Между фотографиями замерли артефакты: старый корабельный компас с треснувшим стеклом, связка причудливо изогнутых корней, потемневший от времени секстант. Над ним вздымался одинокий, потертый конек. Каждый предмет молчаливо рассказывал свою историю.

В дальнем углу потрескивал огонь в большом очаге. Пламя было спокойным, сытым. Отсветы плясали на половицах, заставляя тени сгущаться и отступать.

Одиночка замер на пороге, позволяя теплу проникнуть под одежду, растопить ледяную корку на душе. Затем, с медлительностью ритуала, начал раздеваться. С плеч на пол с глухим стуком упал первый, самый грубый слой – промерзшая насквозь накидка, ставшая жесткой, как кора. За ней последовал плотный тулуп, затем еще один, более легкий. И, наконец, длинный шарф опустился на стул.

Под ледяной броней не оказалось ни сурового полярника, ни охотника с обветренным лицом. К столам прошел элиф. Его кожа была цвета тончайшего фарфора, сквозь который, казалось, просвечивали голубоватые нити вен. Черты были аристократичны, а уши изящно

заострялись кверху. Но поражали глаза. Огромные, несоразмерные с худым лицом, они были цвета темной стоячей воды в лесном озере. В них не было очерченного зрачка, лишь сплошная, глубокая, влажная гладь, отражающая медовый свет ламп. Они были как две бездонные лужи, в которые можно было упасть и не найти дна, полные молчаливого, всепонимающего спокойствия.

Элиф был единственным посетителем в этом убежище на краю мира. Он сел за ближайший к бару столик, положил на его теплую поверхность длинные, тонкие руки и начал медленно потирать их. Движение, такое человеческое в своей простоте, создавало едва слышный шорох. Элиф не осматривался больше, не изучал обстановку. Его взгляд был устремлен на проход, ведущий, по-видимому, в кухню. Он ждал.

Тишина в заведении была настолько плотной, что шаги, раздавшиеся в глубине помещения, прозвучали не просто громко – весомо, будто по полу перекатали валун.

Из прохода появился Сайлас, крупный мужчина в годах. Впрочем, морщины на его лице были не печатью возраста, а скорее картой прожитых эмоций – тонкая паутинка в уголках глаз от смеха, глубокие складки у рта от частых, но сдержанных улыбок. Но и молодым его не назвать: во взгляде сквозила усталость, свойственная людям, которые слишком много видели и слишком долго молчали. Он был могуч. Широкие плечи едва не задевали косяки, а грудь вздымалась под простым фартуком из грубого полотна, как скала. Большие, натруженные руки с короткими, ухоженными ногтями казались способными расколоть полено одним ударом. Но самой примечательной деталью были усы. Пышные, густые, с седыми прожилками, они скрывали верхнюю губу и придавали образу Сайласа какую-то старомодную надежность.

Он остановился у стойки, оперся на нее огромными ладонями, и дерево под ними, казалось, согласно прогнулось. Его голос был под стать фигуре – рокошующий, как далекий камнепад, но без малейшей угрозы.

– Кто почтил мое «Нигде»? – вопрос был задан негромко, но заполнил собой все пространство. Элиф поднял свои бездонные глаза. Его слова прозвучали тонко и чисто, как звон маленького серебряного колокольчика на ветру.

– Малька. Зовите меня Малька.

Сайлас медленно кивнул, повел губами, словно пробуя имя на вкус. В его глазах не было ни удивления, ни любопытства, лишь принятие.

– Хорошо, Малька. Я Сайлас. Изволишь отобедать? Или согреться?

Малька чуть подался вперед, и в его голосе проскользнула почти детская, трепетная нотка.

– Можно мне... можно мне какао? С теплотой маминых рук.

Лицо Сайласа не дрогнуло, но взгляд на мгновение стал мягче. Сайлас не стал уточнять этот странный заказ. Он понял его суть, а не форму.

– Конечно, можно, – его рокот стал тише. – Как будешь платить?

Малька опустил взгляд на свои тонкие белые руки, лежащие на столе.

– Подойдет... рыбалка с отцом? Таких дней было много, приятных, солнечных. Я могу отдать одно воспоминание. Оно не самое яркое, но очень теплое.

– Договорились, – произнес Сайлас так же просто, как если бы речь шла о монете-другой. Он не стал забирать плату сразу. Для этого было свое время и свой ритуал. Он лишь еще раз кивнул, развернулся неожиданно легко для своей медвежьей фигуры и, не сказав больше ни слова, скрылся в том же темном проеме, из которого появился.

Малька остался один. Тишина вернулась, но стала другой – наполненной ожиданием. Он снова потерял ладони, но теперь это был не жест замерзшего путника. Это было предвкушение. Предвкушение не просто горячего напитка, а чего-то большего – обещанного тепла, извлеченного из глубин чужой или, может быть, уже и его собственной памяти. В воздухе, помимо запахов дерева и трав, появился едва уловимый оттенок – сладкий, призрачный аромат шоколада.

Путь Сайласа на кухню был коротким, но это было путешествие в иной мир. Если зал был царством теплого дерева и приглушенного света, то кухня была полна камня, металла и пара. Здесь запахи становились резче, насыщеннее: горячий чугунок, ржаной хлеб и специи, что хранились в десятках маленьких ящичков, встроженных в стену.

Сайлас не зажег ламп. Ему хватало света, пробивающегося из зала, и неяркого, пульсирующего ореола вокруг остывающей плиты. Его движения были выверенными и экономными, как у хирурга или часовщика.

Сначала он подошел к полке, где в ряд стояли холщовые мешочки, туго перевязанные бечевкой. Он не читал надписи. Его большая, грубоватая на вид рука прошла вдоль ряда, не касаясь, словно ощупывая ауру каждого мешочка. Замерла. Пальцы уверенно взяли один из них, и Сайлас развязал узел. Внутри оказались темные, почти черные, сморщенные какао-бобы. Он высыпал горсть на ладонь. Они были сухими и легкими, пахли чем-то землистым и горько-шоколадным, далеким обещанием вкуса.

Затем он повернулся к массивному каменному столу в центре кухни. Там стояла ступка, выточенная из пористого серого камня, испещренного тонкими, едва заметными рунами, которые, казалось, засветились слабым, фосфорическим светом, когда Сайлас поднес к ней руку. Это была магоступка, инструмент не для дробления, а для убеждения.

Сайлас высыпал бобы внутрь и, не взяв пест, просто положил ладонь на край ступки, закрыл глаза и на мгновение замер. Кухня погрузилась в тишину, даже жар от плиты, казалось, утих. И тогда началось. Внутри каменной чаши раздался тихий, сухой шорох. Бобы пришли в движение, начали кружиться, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, сталкиваясь друг с другом с едва слышным шелканьем. Скорлупа сама трескалась и осыпалась тонкой шелухой. Ядра под ней распадалась, превращаясь в мельчайшую, бархатистую пыль. Лишь легкое гудение, похожее на мурлыканье довольного кота, исходило от самой ступки. Руны на ее поверхности разгорелись чуть ярче, отбрасывая на руки Сайласа пляшущие узоры. Через минуту все стихло. Внутри чаши лежал не порошок, а густая, однородная, темно-коричневая паста, источавшая глубокий, концентрированный аромат настоящего шоколада.

Сайлас взял маленькую деревянную лопатку и собрал драгоценную пасту со стенок. Он переложил ее в небольшой медный ковшик с длинной ручкой. Затем подошел к ящичкам со специями. Безошибочно достал из одного щепотку чего-то, что выглядело как кристаллизованные слезы или осколки янтаря. Это был сахар, но не простой, а тот, что хранил в себе эхотен солнечных дней. Сайлас бросил несколько крупинки в ковшик.

Далее – процеживание. Сайлас налил в ковшик немного кипятка и начал медленно вращать его в руках. Паста лениво распускалась в воде, отдавая ей свой цвет и вкус. Он делал это до тех пор, пока не почувствовал нужную консистенцию – не по виду, а по весу, по тому, как жидкость переливалась в ковше. Затем осторожно наклонил его, и густая ароматная жидкость потекла в подставленную керамическую кружку, а мельчайшие, едва заметные частицы остались на дне ковша.

Финал был прост. Из глиняного кувшинчика, стоявшего в холодном углу, Сайлас налил в кружку тонкую струйку жирных сливок. Они легли на поверхность причудливым узором, похожим на крыло бабочки. Право размешать он оставил гостю.

Теперь настал черед последнего ингредиента, самого важного, того, что превращал ремесло в таинство. Сайлас повернулся к полкам, что тянулись вдоль стены. Его взгляд скользнул мимо банок с «Перцем гнева» и «Солью слез», мимо бутылей с густыми, темными жидкостями, хранящими горечь утрат и остроту предательств. Эти самые сильные и опасные эссенции стояли на верхних, труднодоступных полках, покрытые легким слоем пыли. Некоторые были даже запечатаны воском, словно джинны, запертые в своих сосудах.

Но то, что искал Сайлас, хранилось ближе. На уровне сердца.

Здесь стояли небольшие, прозрачные стеклянные фиалы, заткнутые простыми деревянными пробками. В каждом из них, словно пойманный светлячок, мерцало или переливалось нечто неосязаемое. В одном лениво клубился золотистый туман – воспоминание о первом рассвете, встреченном в горах. В другом трепетала тонкая серебряная нить – радость от найденного после долгих поисков ответа. Сайлас протянул руку к одному из таких фиалов.

Внутри была лишь капля, прозрачная и плотная, как смола. Она висела точно в центре сосуда, и внутри нее, если присмотреться, медленно кружились крошечные оранжевые искорки. На этикетке, аккуратной, но чуть выцветшей, значилось: «Тепло маминых рук. Пожертвовано заблудившейся швеей за тарелку супа и ночлег».

Сайлас осторожно вынул пробку. Воздух наполнился едва уловимым ароматом – запахом теплой чистой ткани, свежее испеченного хлеба и чего-то бесконечно родного и безопасного. Сайлас поднес открытый фиал к руке и чуть наклонил его. Драгоценная субстанция нехотя выкатилась из горлышка и замерла на грубой коже. Он немедленно вернул фиал на место и заткнул пробкой. Затем, с предельной аккуратностью, которая казалась невероятной для его огромных рук, совершил главный жест. Свел вместе подушечки большого и среднего пальцев и захватил между ними сияющую каплю. Указательный палец при этом изящно оттопырился, словно Сайлас держал не сгусток чужого чувства, а хрупчайшее ювелирное изделие. Капля послушно прилипла к его пальцам, не оставив на ладони ни следа.

Он поднес руку к кружке с какао и на мгновение остановил над белым сливочным узором. Затем разжал пальцы, и капля соскользнула точно в центр напитка.

Ни всплеска. Она просто исчезла, растворилась. Но напиток преобразился. Это было почти незаметно глазу, но Сайлас это видел. Цвет какао стал чуть насыщеннее. Белый узор сливок словно ожил, его линии сделались плавнее, и казалось, от него исходит мягкое свечение. Аромат изменился. К глубокой горечи шоколада и сладости сахара примешалась та самая нота – нота безусловного уюта, которую нельзя было создать ни одной специей в мире.

Напиток был готов.

Сайлас взял кружку, которая казалась игрушечной в его ладони, и, ступая все так же тяжело, пошел из кухни в зал. Он поставил какао на стол перед Малькой. Керамика глухо стукнула о дерево. Сайлас не сказал ни слова – просто отошел за стойку, где замер, скрестив на груди руки. Его работа была сделана. Теперь все зависело от напитка.

Малька смотрел, как поднимается тонкая струйка пара, вьется и создает в воздухе прозрачные, тающие узоры. Он видел белую бабочку сливок на темной глади напитка и чувствовал необъяснимо знакомый аромат.

Элиф медленно, почти с благоговением, протянул к кружке руки. И, обхватив ее, в тот же миг замер. Тепло, исходящее от шероховатой керамики, было не просто теплом горячего напитка. Оно казалось живым. Не обжигало, а просачивалось сквозь кожу, разливалось по венам, успокаивая дрожь в кончиках пальцев, оставшуюся после долгого пути по морозу.

Малька поднес кружку к лицу и вдохнул. Глубоко, полной грудью. Сначала накатила резкий, благородный дух шоколада, затем его смягчила волна сладости, и, наконец, проступила та самая, третья нота – запах чистоты, защищенности, запах, у которого не было имени, но который привнес ощущение дома. Наконец элиф решился. Чуть наклонил кружку, и густая жидкость коснулась губ. Первый глоток был маленьким, осторожным. Какао медленно прокатилось по языку. Вкус был сложным, многослойным. Горьким, как правда, сладким, как мечта, и сливочным, как нежность. Напиток не просто согревал, он, казалось, заполнял какую-то внутреннюю пустоту, давнюю и уже позабытую.

Малька сделал еще один, уже более уверенный глоток. И закрыл глаза.

Именно в этот момент все изменилось.

Ощущение керамики под пальцами начало таять. Малька отчетливо почувствовал, как его ладоней, все еще сжимающих кружку, коснулись другие руки. Большие, теплые, чуть сухо-

ватые, с мозолистыми подушечками пальцев, но бесконечно ласковые. Это были не руки Сайласа, грубые и сильные. Эти руки были воплощением заботы. Они будто бы помогали держать невидимую ношу.

Воспоминание пришло ощущением: не было ни лица, ни комнаты, ни голоса, только родные объятия. Чувство абсолютной безопасности, когда ты еще слишком мал и неуклюж, и мир кажется огромным и полным опасностей, но вот эти руки – они твой щит, твоя нерушимая крепость. На лице Мальки, до этого бесстрашном, появилась улыбка – тихая улыбка умиротворения. Лишь уголки рта чуть приподнялись, разгладив строгую линию губ. Одновременно с этим он открыл глаза и прищурился, словно он пытался разглядеть нечто прекрасное, видимое только ему одному, там, за гранью реальности.

Он сидел неподвижно, погруженный в это подаренное чувство. Мир «Полярного Нигде», с его запахами и тенями, отступил на второй план. Остался только он, Малька, горячая кружка и фантомное прикосновение материнских рук, согревающих его собственные сквозь толщу времени и пространства. Он не пил больше. Просто сидел и впитывал, позволял теплу заполнить его до краев.

Сайлас возвышался за стойкой, неподвижный, как изваяние, и наблюдал. Он видел, как изменилось лицо элифа, видел эту затаенную улыбку и знал – напиток сделал свою работу. Сайлас дал гостю время, позволил чувству прорасти, укорениться, согреть замерзшую душу. Он ждал, пока прищур Мальки станет чуть менее напряженным, а радость – более осмысленной, словно у вернувшегося издалека.

Прошло несколько минут, которые в тишине заведения казались вечностью. Наконец Малька очнулся. Его взгляд, до этого обращенный внутрь, теперь был ясным и спокойным. Он допил какао, которое уже начало остывать, и аккуратно поставил пустую кружку на стол. Только тогда Сайлас нарушил молчание. Он не сдвинулся с места, руки по-прежнему были скрещены на могучей груди. Голос его прозвучал ровно и низко, не нарушая уюта.

– А теперь плата. Рыбалка с отцом.

Это не было требованием. Лишь напоминанием о долге. Пришло время для следующего шага в ритуале – и оба это понимали. Как вдох сменяется выдохом, так и полученное чувство должно быть уравновешено отданным.

Малька поднял темные, как заводи, глаза на повара. В них не было ни сожаления, ни страха. Лишь тихое согласие. Элиф медленно, с достоинством кивнул, один раз, коротко и четко. Он был готов.

Глава 2. Новая Нова

Сайлас вышел из-за стойки-крепости. Его тяжелые шаги снова продавливали тишину, но теперь звучали торжественно. Он остановился у столика Мальки, возвышаясь над хрупким элифом, как древний дуб над лесным цветком. В руке Сайласа, появившись словно из ниоткуда, сверкнул инструмент.

Это была не медицинская игла. Длинная, тонкая, выточенная не то из полированной кости, не то из перламутра, она переливалась всеми оттенками лунного света. На одном ее конце было крошечное ушко, а другой гладко закруглялся.

– Не бойся, – сказал Сайлас тихо, почти шепотом. – Это не больно. Просто закрой глаза и подумай о нем. О том дне.

Малька послушно зажмурился. От его длинных черных ресниц на щеки легли тени. Он сидел совершенно неподвижно, губы сжались в тонкую линию. Он уходил в себя, в лабиринты памяти, ища ту самую нить, которую обещал отдать. Сайлас поднял иглу. Он поднес ее гладкий кончик к виску элифа и остановил, держа на расстоянии толщины волоса. Затем тоже закрыл глаза. Его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение стало уязвимым. Усы чуть дрогнули. Он перестал быть поваром, хозяином заведения. Он стал ныряльщиком за жемчугом, готовым погрузиться на глубину – в чужое сознание.

И он «нырнул».

Для Сайласа мир исчез. Пропали запахи кухни, скрип половиц, тепло очага. Окутала чужая тишина, чужое внутреннее море. Если Малька видел прошлое подобно фильму, то перед Сайласом предстал ландшафт воспоминаний. Топорщились колючие заросли страхов, простирались вязкие болота печали, сходили с гор ледники отстраненности. Сайлас плыл мимо них, не задевая, с невероятной осторожностью. Заноса иглу, как багор, он искал тепло.

И вот – нашел. Туманную долину, залитую ровным золотистым светом. Манил нагретый солнцем камень, пахло речной водой и утренней свежестью. Из дымки к Сайласу струились

эманации – спокойная радость, детское предвкушение, тихое сыновье обожание. Он нашел воспоминания о рыбалках с отцом.

Теперь нужно было выбрать одну. Не самую долгую. Не самую значимую. Ту, что обещал Малька. Кончик иглы, погруженный в туман, завибрировал, настраиваясь на нужную частоту. Сайлас нащупал одно конкретное переживание – оно было похоже на гладкий, теплый, чуть вытянутый камешек. Это воспоминание не таило азарта или восторга от пойманной рыбы. В нем запечатлелось ощущение летнего полуденного зноя, монотонное жужжание стрекоз над водой, мерное покачивание лодки и прочное чувство единения с отцом, который сидел рядом и молча смотрел на поплавок. Ничего больше и не было нужно.

Сайлас осторожно «подцепил» этот камешек кончиком иглы. Он почувствовал, как воспоминание отделилось от чужого сознания, оставив после себя лишь легкую прохладу, как от тени облака. Сайлас не крал. Он принимал дар.

С невероятной медлительностью он начал «всплывать». Постепенно возвращались запахи и звуки «Полярного Нигде». Он открыл глаза.

На самом кончике перламутровой иглы, там, где мгновение назад не было ничего, теперь висела крошечная, пульсирующая капля света. Она была янтарно-золотистой и переливалась, словно внутри нее плескалось жидкое солнце.

Сайлас отстранил иглу от виска Мальки. Другой рукой он достал из кармана фартука стеклянную баночку размером не больше наперстка и осторожно стряхнул каплю света внутрь. Она упала на дно беззвучно и замерла там, продолжая излучать ровное, теплое сияние. Сайлас тут же закрыл баночку пробкой.

Он посмотрел на Мальку. Элиф открыл глаза. В его взгляде не читалась потеря. Лишь облегчение. Он помнил все рыбалки с отцом. Но одна конкретная потеряла живость. Она стала просто фактом биографии, как прочитанная строчка в книге. Тепло воспоминания теперь было заперто в склянке Сайласа.

– Спасибо, – тихо сказал повар.

Он убрал баночку в карман. Позже, когда останется один, он добавит «рыбалку» к другим светлым и спокойным воспоминаниям, где она будет ждать своего часа, чтобы согреть замерзшую душу.

Малька поднялся из-за стола. Его движения сделались плавными и почти невесомыми. Он склонил голову в знак благодарности, не проронив больше ни слова. Все, что нужно было сказать, было сказано теплом какао и отданным чувством.

Элиф так же методично, как и раздевался, начал облачаться в дорожные доспехи. Слой за слоем ткань ложилась на его хрупкие плечи, скрывала бледную кожу и тонкие черты. Вскоре перед Сайласом стояла безликая, укутанная фигура. Дверь скрипнула, впуслав на мгновение порыв ледяного ветра и вихрь снежной пыли, и одиночка шагнул обратно в белую бесконечность. Затем «Полярное Нигде» погрузилось в привычную густую тишину.

Сайлас постоял еще немного, глядя на опустевший стол, над которым все еще, казалось, витало умиротворение. Затем отнес кружку на кухню. Но мыть не стал – было дело поважнее.

Он прошел мимо каменного стола и остывающей плиты к неприметной двери в дальней стене. Дверь была из толстого темного дерева, без ручки, лишь с маленьким замочком, который Сайлас открыл ключом, висевшим на шее. Он вошел внутрь – и будто бы заглянул в сокровищницу или тайную библиотеку.

Это был его склад.

Комната была небольшой, прохладной и сухой. Вдоль стен тянулись бесчисленные полки, уставленные сотнями сосудов всех форм и размеров. Здесь хранились и крошечные флаконы, как тот, из которого Сайлас брал «мамины руки», и большие пузатые бутылки, и плоские фляги, и глиняные горшочки, запечатанные воском. Сосуды были подписаны. Впрочем, названия напо-

минали категории или архетипы. «Первая любовь». «Справедливый гнев». «Горькое разочарование». «Безмятежное одиночество». Под каждую тему отводилась полка.

Сайлас достал из кармана баночку, в которой все еще тлел янтарный огонек «Рыбалки». Скользнул взглядом по этикеткам. Ему не нужно было долго искать. Он знал свой склад, как садовник знает свой сад.

Рядом с кувшином «Тепло родительских рук» стоял другой, чуть побольше, сделанный из матового стекла. На нем было выведено: «Добрый отец».

Сайлас взял этот сосуд в руки. Он был тяжелее, чем казался. Внутри, словно пряжа в клубке, были сплетены сотни и тысячи тончайших световых нитей всех оттенков золотого, бронзового и медного. Каждая нить – чье-то воспоминание: вот эта, ярко-золотая, – радость ребенка, которого отец впервые подкинул к самому небу; вот эта, тускло-бронзовая, – одобрение после хорошо сделанной работы; а вот эта, почти невидимая, – чувство защищенности от сильной руки на плече.

Сайлас открыл сосуд, засунул внутрь крупные, но на удивление ловкие пальцы, и распутал сияющий клубок. Подобно библиотекарю, ищущему книгу по каталогу, он нашел начатое плетение на букву «Р», в котором были собраны: «Разговор по душам», «Разрешение пойти гулять», «Разделенная тайна»...

Теперь предстояла самая тонкая работа. Он открыл баночку с воспоминанием Мальки. Янтарная капля света тут же вытянулась, превратившись в тонкую, эластичную ниточку. Сайлас подхватил ее кончиками пальцев. Она была теплой и чуть вибрировала, словно живая.

Затаив дыхание, он начал вплетать эту новую нить в уже существующий узор. Она должна была дополнить гармонию. Сайлас обвил ее вокруг более толстой нити «Разговора по душам», пропустил под мерцающей петлей «Разделенной тайны» и закрепил рядом с ними. Ниточка «Рыбалки» легла на свое место, став частью великого гобелена отцовской доброты. Она добавила в общую палитру уникальный оттенок – летнего зноя, речной воды и молчаливого единения.

Закончив, Сайлас закрыл оба сосуда. Он поставил «Доброго отца» на место, и теперь тот, казалось, светился чуточку ярче. Пустую баночку из-под воспоминания Мальки Сайлас положил в специальный ящик – чтобы очистить и использовать снова.

Работа на сегодня была завершена. Баланс восстановлен. Порядок соблюден. Сайлас вышел, запер дверь склада и наконец позволил себе устало вздохнуть.

Часы в «Полярном Нигде» текли медленно, как густой сироп. Сайлас протер столы влажной тряпкой, подбросил полено в очаг и теперь сидел за стойкой, перебирая старые пожелтевшие счета поставок, хотя на самом деле просто давал отдых мыслям. Он был уверен, что на сегодня все. Его главный помощник – маленький, похожий на медный компас прибор, который Сайлас называл полярным поисковичком, – молчал. Стрелка, выточенная из кристалла льда, который никогда не таял, замерла на отметке «покой». Это означало, что на сотни километров вокруг не было ни одной души, ищущей «Полярное Нигде». Обычно Сайлас доверял поисковичку безоговорочно.

Поэтому, когда дверь распахнулась, он вздрогнул.

Протестующий скрип не раздался. Створка открылась легко, словно ее толкнул порыв летнего ветра. И это было первым, что поразило Сайласа. В проеме не взметнулся вихрь снега, не взвыла метель. На мгновение показалось, что за порогом не ледяная буря, а тихая, беззвездная ночь.

В дверях появилась девушка.

И ее вид поверг Сайласа в шок. Она была одета в одно лишь тонкое, светлое платье. Простое, без рукавов, из струящейся ткани, оно едва доходило до колен. Девушка стояла босиком. Но не переминалась и не дрожала. Она словно только что вышла из теплой комнаты на летнюю веранду.

Девушка ступила внутрь, и дверь за ней так же тихо закрылась. Гостья не выглядела как человек, прошедший долгий путь. Волосы не заиндевели, щеки не покраснелись от мороза. Она не была изможденной. Она была... чистой. Словно только что родилась, прямо здесь, за его дверью.

Сайлас замер, сжимая в руке старый счет. Он отказывался понимать происходящее. Никто не мог просто появиться у его порога. До «Полярного Нигде» всегда добирались. Мучительно, сквозь лед и ветер, ведомые отчаянием или надеждой. Эта девушка не пришла. Она просто очутилась здесь. Она медленно, с какой-то сомнамбулической грацией, приблизилась к тому самому столу, где совсем недавно сидел Малька. Опустилась на стул, положила руки на столешницу и посмотрела на Сайласа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.